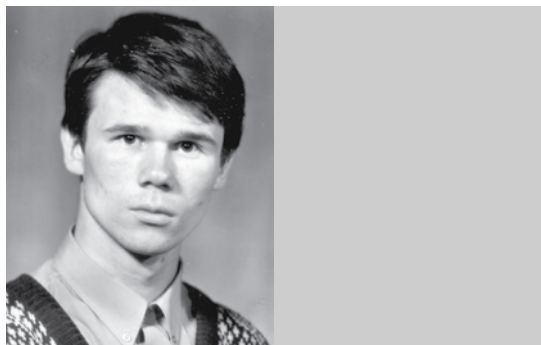

Павел Чечёткин

Чечёткин Павел Анатольевич родился в 1978 г. в Перми. После школы обучался в художественном училище в городе Сергиев Посад Московской обл., в Свято-Тихоновском богословском институте (г. Москва). Окончил филологический факультет Пермского государственного университета. В 2007 г. окончил аспирантуру на кафедре социальной философии ПГТУ. Работал преподавателем, техником ЭВМ, менеджером по продажам, журналистом. Сейчас работает на руководящей должности в одной из строительных компаний города. Член Союза российских писателей (2004), председатель пермского отделения Союза российских писателей. Состоит членом издательского совета при Министерстве культуры Пермского края, входит в редколлегию литературного журнала «Вещь». Первая публикация – в 1998 г. в журнале «Православная беседа» (Москва). Стихи печатались в журналах «День и ночь», «Вещь», «Знамя», «Континент», «Литературная Пермь», «Урал», «Уральская новь» и др. Автор книг стихов «Павел и Анна» (Москва, 2002, совместно с А. Павловской), «Небесный заяц» (Москва: Футурум-БМ, 2003). Лауреат «Илья-премии» (Москва, 2002), лауреат молодежной премии «Триумф» (Москва, 2004), лауреат молодежной премии им. Мерзлякова администрации г. Перми (Пермь, 2004). Участник АСУП-2. Живет в Перми.

Филологическая маркировка стихов П. Ч.

Традиции, направления, течения: поэтическая классика XVIII–XIX вв., модернизм, примитивизм, традиционное народное творчество, скоморошество, страшные сказки.

Основные имена влияния, переклички: поэты-классики (Г. Державин, В. Жуковский, А. Пушкин, Ф. Тютчев, Н. Некрасов и др.), поэты-модернисты (С. Есенин, А. Блок, К. Бальмонт, В. Брюсов, В. Ходасевич, В. Маяковский и др.), Н. Гоголь.

Основные формальные приемы, используемые автором: травестирирование («вспарывание») романтических и сюрреалистических образов, развернутая сюжетная метафора, балладное начало, анафора, трагикомические антитезы, фарс, сочетание «высокой» и «низкой» лексики, яркая образность и многочисленные глаголы активного действия, придающие скорость и драйв тексту.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: персонализированный образ лирического героя, грехопадение, потерянный рай (утраченное небо, заросли, кущи, женщина), искус познания (учеба, ученичество, студенчество), скоморошество (четка, пляска, игры, скачки, прыжки, пирушки, алкоголь), другие образы карнавальная смеховой культуры (в т.ч. эротические), образы боли и страстотерпия, колючие/режущие предметы и действия, телесность, душа, коты, рыбы, глаз (в т.ч. «насаженный на крючок», зеница), поэт, ангел.

Творческая стратегия: трагикомическое, шутовское вспарывание объективно-хрестоматийной поэтической онтологии в стремлении через боль и бессмыслицу земного существования поэта добиться его возвращения в лоно духовного универсума.

Коэффициент присутствия: 0,24

АВТОБИОГРАФИЯ

Однажды зимой я, взбалмошный студент Сергиево-Посадского колледжа игрушки, приехал со своим развеселым дружбаном (тоже Пашкой) в Александрову слободу. Перейдя по хрупкому льду старый пруд, где когда-то опричники телами казненных выкармливали аршинных карпов к царскому столу, мы вошли в монастырь. Обшарпанные белые храмы, как исполинские грибы-дождевики, то тут, то там прорывали утопанную почву. Мы скакали по снежному отвалу, пытаюсь согреться от дыхания надвигающейся ночи. И мой друг скатился на тропу прямо под ногой пожилой женщине, выбредавшей среди снега. Та на секунду отпрянула от такого наскока, потом вгляделась в лицо своего обидчика и ткнула пальцем: «Священником будешь!». Пашка, тогда еще чистая трущобная гопота, глумящаяся над любой духовностью, заржал. А мне, стоящему на самой бровке, кровь бросилась в лицо. К этому времени я уже полгода жил возле Троице-Сергиевой лавры у дальней родственницы и мечтал о служении священником. В перерывах между вырезанием из дерева медведей и лошадей я почитывал семинарские учебники, а по воскресным дням спешил в храм. Там, перевоплощаясь в дьячка, я прилежно

раздувал иерейское кадило, а выходя со свечой на амвон, нашептывал под нос слова будущих проповедей, призывающих мир к добру и чистоте.

«А как же я?» – вылетело в сумерки мое ущемленное эго. Старица взгляделась в меня и ткнула пальцем: «А ты станешь монахом!». «Тоже священником?» – почти всхлипнул я. «Нет!» – ре-зала незнакомка: «Монахом». И провалилась в ночь. Было в ее облике что-то роковое, какая-то неоспоримость иудейских пророков и московитских юродивых. История и без того врезалась мне в память. А мой друг действительно стал священником и теперь славится своей набожностью на весь район. А как же я?..

Помнится мое пятнадцатилетие, еще в Перми. Несмотря на нелегкое положение в нашей семье, родители таки смогли устроить в честь моего полуболюбия небольшое торжество. Отец с пафосом поднял граненый: «Ну, сынок, желаю тебе вырасти настоящим человеком!». И, как говорится, выпил. Подняв на своего родителя глаза молодого скептика, я спросил тогда, а каким с его точки зрения должен быть «настоящий человек»? Вопрос действительно был туманен. Окружающая действительность девяносто третьего года являла взору огромное количество различных типажей и форм самореализации, и каждый человек, неважно, добывший ли себе «вольной» и кастетом шестисотый «мерседес» или выпавший в осадок в каком-нибудь наркомановском притоне, был уверен, что именно он и есть тот самый «настоящий».

Впрочем, полупраздничный стол был не тем местом, где можно было получить ответ на такие глубокие вопросы. Родители мои никогда сами не знали на него ответ. За свою жизнь они родили одного ребенка, выстроили дом и, наконец, сами потерялись где-то в этой эпохе всеобщего идейного распада. Отец мой, воспитанный частично на комсомольской закваске советских лозунгов, частично на патриархальном быте алтайской деревни, после долгих мытарств осел на Урале и теперь с трудом пытался адаптировать свой культурный багаж к реалиям новой России. Мать моя, местная уроженка, была продолжательницей линии местных староверов-кержаков. Выросшая в обеспеченной семье, сама она сочла для себя формальностью получить какое-либо перспективное образование и теперь обреталась в должности медсестры. Вопрос о «настоящем» был для них в принципе не разрешим, как понятие нирваны для правоверного буддиста: цель указана, а какова она, думай сам, сынок.

На этом, можно сказать, и закончилось мое обычное пермское детство. Пионерские костры давно подернулись пеплом, зарос бурьяном огород, а мои первые стихи, слушать которые собиралась вся семья, потеряли свой вес и смысл. Через че-

С мамой, Верой Яковлевной, и отцом, Анатолием Борисовичем

тыре месяца я взял свой посох и с рыбным обозом ушел в Москву в поисках духовного просветления.

Сейчас уже трудно сказать, почему не задалась тогда моя священническая карьера. Пожалуй, потому что я очень люблю женщин и свободу слова – со всем остальным церковники бы смирились. Впрочем, сам-то Бог мне и это простил: я постоянно чувствовал тогда и теперь на себе его нетяжелую отеческую длань. Мне всегда везло на интересные знакомства. Так, моим первым литературным критиком, которому я носил свои ученические стихи, стал профессор Московской духовной академии, а первым духовным наставником – весьма известный ныне богослов дьякон Андрей Кураев (с этим мы вообще познакомились при анекдотических обстоятельствах). Было и много других: иконописцы и резчики, писатели и монахи. Но первых двух я запомнил особенно. Когда я по прошествии трех лет своей подмосковной жизни объявил, что намерен возвращаться в Пермь и поступать на филфак (ну бред же, бред, честное слово!), они только улыбнулись. Профессор загадочно, а дьякон с состраданием. Но я действительно вернулся в Пермь и поступил на филфак. И это не шутка.

Сейчас я бы на пушечный выстрел не подошел к этому заведению. Только в наручниках и под конвоем. Сейчас я бы пошел учиться на архитектора или инженера. Но тогда, видимо, мне это действительно было нужно. Что можно написать о студенчестве? Оно у каждого свое и у всех одинаковое. Высосать из этого занимательный нарратив все равно, что описывать строение своего тела с претензией на оригинальность. Было весело, задорно,

П.Ч. и Ю. Куроптев на презентации журнала «Вещь», Пермь, 2010 г.

временами трудно, бесстыдно, наивно, глупо, восторженно, витиевато... Были студенческие практики по глухим северным деревням и в школах, была разносторонняя рефлексия на литературу, были первые любви и любви... Были, наконец, первые **стоящие** стихи и искреннее «Поздравляю, Паша, ты настоящий поэт!» от взыскательной и строгой преподавательницы. А в целом... Думаю, чужой человек приходит сюда с мыслью, что и так знает все на свете, а уходит с ощущением полного непонимания. Нужен ли поэту филфак? Между двумя крайностями, одна из которых представлена лицейскими стихами Александра Сергеевича, а другая словами знакомого поэта: «Филология – попытка препарировать дух святой», истина лежит где-то посередине... Какой-то зануда скрупулезно подсчитал: для того чтобы вычитать всю программу филологического факультета, нужно читать двадцать лет по восемь часов в день. С учетом, что я закончил филфак с красным дипломом, а читал нечасто и с неохотой, за мной с тех пор так и тянется длинный шлейф моральной ответственности.

По-настоящему запомнились только начало и конец. Я тонул на вступительном, так как не знал текста. Вопрос, к моему счастью, был сформулирован достаточно абстрактно и так и подмывал к импровизации. Полчаса я с небывалым воодушевлением рассказывал комиссии о никем никогда не читанных и не писанных текстах. Бог весть, о чем думали тогда почтенные экзаменаторы, но моему счастью я получил. А спустя пять лет, уже на выпускной, к нам явился военкомовец. Он поглаживал стопку повесток и плотоядно выгляды-

вал веселых выпускников. Битый час я тогда с кафедры читал какие-то идиотские стишки о студентах. Капитан хохотал до слез. В процессе своего приобщения к высокому искусству он даже не заметил, как разбежалась из аудитории вся его законная добыча.

В следующий раз я видел этого военкомовца, уже когда спустя пару лет пришел в военкомат с удостоверением аспиранта кафедры философии. Офицеры сначала с любопытством смотрели на свою давнишнюю пропажу. Но – аспирант! Но – философ! Для практичных сортировщиков пущечного мяса это звучало более отвратительно, чем дезертир-самострельщик. А сама кафедра философии стала для меня много чем. В памяти всплывают интереснейшие беседы по философским душам и настойчивые вопросы знакомых: «Ну, скажи, кому и на кой сдалась эта философия?». «Различать значения слов», – обычно отвечал я, ощутивший вкус философского подхода. Кафедра давно уже позади, но до сих пор я чувствую на языке терпкое послевкусие. Неважно при этом, коробит ли меня своей глупостью очередной политический лозунг, или бизнес-партнер, пропаривший все сроки, во время переговоров начинает игру в многозначность.

Впрочем, диссертация не та цель, о скорой недостижимости которой я мог бы обкусывать локти. Может, даже лучше, что ее создание растянулось на годы, что мне не приходится вымучивать ее бессонными ночами, выдавливая из головы тягучие, наукообразные мысли. Зато теперь я имею счастливую возможность приправлять ее солью своего жизненного опыта, который не заменят никакие прочитанные монографии. Благо, моя нынешняя работа к этому благоволит. Я работаю в строительном бизнесе, и жизнь моя теперь пестра и многогранна, как строящийся дом.

Но это всё так, типовое. Собрался писать биографию – ищи эксклюзив. Желательно с прорывом в экзистенцию. Теперь я понимаю, что таковым был целый период моей жизни, аккурат между филфаком и аспирантурой. Я решительно не знал, чем заняться дальше и полтора года метался между Пермью и Москвой на случайных заработках и со случайными мыслями в голове. В это время какого-то тотального расслабона также ненароком случались стихи, ставшие потом основой моей первой книги. Они падали мне в голову в самых неожиданных местах, вырывали меня из людского потока и заставляли бродить по ночным улицам, наборматывая под нос еще непроговоренное никем. Такого потопа со мной не случилось ни до, ни после.

Период этот закончился знаковым образом. За три месяца я успел схоронить мать, поступить в аспирантуру и издать книгу «Небесный заяц». Какие-то смысловые связи между происшедшим

стали постижимы только со временем. Вспоминаю, как, сидя у материнского гроба, я осознавал истинный смысл слов «навсегда» и «никогда», и теперь думаю, что за подобный опыт можно зачислять на кафедру философии без вступительного экзамена.

А книга...

Мои тогдашние стихи понравились действительно многим. Они поползли с рук на руки, были премии, публикации, выступления в разных городах... На одном из них я случайно познакомился с Анной Бердичевской – моим редактором и издателем. Была потом презентация в Перми, где я спустя неделю после материнских сороковин со сцены навзрыд кричал в зал свои шутовские стихи, а люди рукоплескали мальчику в красной рубашонке и улыбались всюю его искренности. Была премия «Триумф». Среди других, уже и без того именитых лауреатов, я карабкался по центральной лестнице музея имени Пушкина в церемониальный зал прямо как из пасти булгаковского камина. А мой старый наставник, профессор Духовной академии, потом грустно качал головой: «Павел, мне жаль тебя: подобную премию никогда не дадут православному человеку». Было, наконец, возвращение домой. Помню, как с огромным баулом своих книг я бежал по вокзальному переходу на отходящий пермский поезд, когда меня окружила местная ментовня: «Стоять! Документы! Что в сумке?». Я надорвал край пачки, обнажив черные, пахнущие типографией переплеты. Служивые сразу потеряли ко мне интерес и направились к группе южан. Около меня остался только один из их компании, опогоненный гопник с гремучей смесью наглости и глупости в глазах. Он выволок одного «Зайца» и стал листать, разглядывая миниатюры работы Резо Габриадзе, щедро уступленные мне моей издательницей. «Чо, типа стихи пишешь?» – «Да». – «Чо, типа хорошо пишешь?». Мне тогда не хва-

П.Ч. 2005 г.

тало только литературного диспута и автографа ему на память. Я представил, как, стащив с себя ментовскую бутафорию, он будет тыкать пальцем и ржать с друзьями, тряся свинными рылами над бисером моей души. «Я пишу очень плохие стихи. Тебе не понравятся». – «А чо тогда пишешь?» – «Люблю людей позлить».

Вообще-то я не часто так откровенно лгу в глаза народу. И на встречах с читателями пытаюсь быть честным, даже если потом приходится краснеть. В общем, так и живу. У меня есть книга, за которую мне не стыдно. Есть любимые, близкие люди, сносная работа и хорошие друзья. Есть чудесный мир вокруг, до конца не выслушанный и не проговоренный. Есть, кстати, еще и предсказание старой монахини. Так что, может, всё моё «настоящее» ещё впереди.